

pISSN 2073-2872
eISSN 2311-875X

Устойчивое развитие экономики

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Валерий Владиславович СМЕРНОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры отраслевой экономики,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (ЧувГУ),
Чебоксары, Российская Федерация
v2v3s4@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6198-3157>
SPIN-код: 3120-4077

История статьи:

Рег. № 209/2020
Получена 13.04.2020
Получена в доработанном
виде 30.04.2020
Одобрена 16.05.2020
Доступна онлайн
14.08.2020

УДК 330.3

JEL: C81, E20, F40, Q11

Ключевые слова:

волатильность,
стабилизация экономики,
трансрегиональная
корпорация

Аннотация

Предмет. Экономика современной России.

Тема. Анализ эффективности организации современной экономики России.

Цели. Установление предела эффективности организации современной российской экономики.

Методология. Исследование основано на системном подходе с применением статистического анализа.

Результаты. Выявлены значительные изменения структурного баланса, вызванные колебаниями темпов прироста общего государственного валового долга в национальной валюте и стабильностью темпов прироста государственных доходов. Основным фактором стабилизации структурного баланса является изменение курса рубля и дополнительный прирост ВВП, зависящие от экспорта углеводородов. Анализ динамики движения капитала выявил снижение темпов данного экспорта. Растущая доля Москвы и Московской области в экспорте минерального топлива, нефти и продуктов ее переработки и импорте электрических машин и оборудования показывают высокую централизацию финансовых ресурсов.

Область применения. С результатами исследования целесообразно ознакомить политико-экономическому научному сообществу для выработки и обоснования мероприятий для сохранения темпов экономического роста и стабильного развития российской экономики.

Выводы. Эффективная организация современной российской экономики проявляется в централизации экономической власти и в установлении предела в виде трансрегиональной корпорации «Москва и Московская область», на которую не могут повлиять региональные проблемы обеспечения экономического роста и устойчивого развития.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2020

Для цитирования: Смирнов В.В. Анализ эффективности организации современной российской экономики // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2020. – Т. 16, № 8. – С. 1476 – 1496.

<https://doi.org/10.24891/ni.16.8.1476>

Введение

Сохранение целостности страны и выбор соответствующей формы государственности обусловлены необходимостью обеспечения внутренней упорядоченности, согласованности взаимодействия частей, определенных ее структурой. Основой государства и основанием целостности страны является гражданское общество, анатомию которого следует искать в политической экономике, в материальных жизненных отношениях. К. Маркс утверждал: *«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, не зависящие от их воли отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»* [1].

Следовательно, экономика есть основа любого государства, а решение проблемы ее эффективной организации является залогом сохранения целостности страны. Эффективная организация экономики страны это «рукотворный» процесс со сложной внутренней структурой, предназначенный для выполнения определенных функций.

Прежде чем оценивать возможности развития российской экономики для установления предела эффективности ее организации, необходимо разобраться с ее общей формой, содержанием, характеристиками. Однако эволюция экономических учений, как правило, старается избегать подобных вопросов, дабы сохранить определенный политический уклад и, более того, выделить (усилить или ослабить) особую роль государства, определяя новые ориентиры в экономической системе.

Эффективность организации экономической системы (экономики) может быть оценена с позиции результативности сложившейся совокупности экономических процессов в мире, государстве, стране или обществе на основе отношений собственности и хозяйственного механизма. Естественно, в отношении российской собственности публичное право доминирует над частным ввиду практически отсутствия последнего.

Следовательно, стремление российской научной школы отойти от проблемы эффективной организации экономики связано не с экономическими законами, а с политической волей, доминированием публичного права.

Обратимся к учениям передовых экономических школ. В неоклассической парадигме описание экономической системы раскрывается через поведение людей, максимизирующих свою полезность в среде ограниченных ресурсов при неограниченных потребностях. Предметом исследования неоклассических ученых являются компании, домохозяйства, государство.

Институционалисты манипулируют понятием «институты» – пытаются их разделить и/или организовать. В этом контексте институт рассматривается как устоявшееся правило или норма экономического поведения. Новая институциональная теория уделяет внимание анализу транзакционных издержек, праву собственности, контрактным агентским отношениям и т.п.

Неоклассики, институционалисты и неoinституционалисты изучают рациональность и эффективность поведения людей – бихевиоризм. При этом это лишь часть функций экономической системы и, тем более, характеристик экономики.

Нельзя однозначно утверждать, что проблеме эффективной организации экономики не уделялось достаточного внимания. Например, марксизм ближе всего подошел к данной проблеме, выбрав в качестве предмета конкретное целое – систему, в которой главным является не результат, но его становление, достижение.

Сохранившиеся остатки российской экономической школы ввиду лояльности к провластным нормам поведения, фетишизации такого явления, как публичное право, дистанцируются от проблемы реальной эффективной организации экономики через установление ее предела.

Обзор литературы

А.Г. Аганбегян, изучая итоги экономического развития России в 1991–2017 гг., выделил три основных периода: 1) трансформационный кризис (1991–1998 гг.); 2) восстановительный социально-экономический рост (1999–2008 гг.); 3) десятилетие глобального кризиса, рецессии и стагнации (2009–2018 гг.). Он указал, что за эти годы российская экономика не перешла к экономическому росту, а находится в состоянии стагнации [2].

Основная причина сложившихся проблем состоит в том, что страна не перешла к цивилизованному рынку. Для устранения этой причины предлагается вернуть народнохозяйственное планирование, которое могло бы стать директивным для госструктур.

Итак, необходимо определить методы повышения эффективности организации современной российской экономики, а именно: перейти от стагнации и рецессии к устойчивому социально-экономическому развитию с превышением общемировых показателей ежегодного прироста ВВП на 3,5–4%, инвестициям в основной и человеческий капитал – на 8–10%. В рамках сложившейся российской экономической системы существует множество классических решений для перехода к экономическому развитию:

- снижение инфляции и ключевой ставки путем принятия специальной президентской программы;
- активное государственное инвестирование в экономику знаний (целевой инвестиционный кредит с конкретным сроком окупаемости, жестко контролируемым банком, который будет возвращать этот кредит);

- стимулирование импортозамещения, а также экспорт продукции с высокой добавленной стоимостью;
- институциональные преобразования;
- финансовая реформа по повышению доли «длинных» денег (форсирование роста банковских активов);
- изменение налоговой системы;
- структурные реформы в социальной области (финансирование пенсионной системы, здравоохранения и образования) и т.п. [3].

Кроме того, А.Г. Аганбегян утверждает, что прежние источники экономического роста (высокие цены на нефть, приток иностранного капитала, опережающее увеличение бюджета и кредитных средств) остались в прошлом, а отсутствие даже элементарной координации между действиями разных ветвей государственной власти по вопросу экономического роста – главная причина перехода страны к стагнации и рецессии. России нужна не обычная перспективная программа, а реальный комплексный план с адресными показателями для предприятий и организаций, контролируемых государством, с единым финансово-кредитным (проектным) планом, в том числе с инновационной программой и системой мер по стимулированию и структурным реформам, включая налоговую реформу [4].

Так, С.Ю. Глазьев, развивая марксистское направление экономической мысли в сочетании с теориями экономических циклов Н.Д. Кондратьева и Й. Шумпетера, ближе всего подошел к сущности эффективной организации современной российской экономики. Но увлеченность ключевыми мерами государственной политики, в том числе необходимыми для реализации целей модернизации, новой индустриализации и развития российской экономики, опустили теорию экономического уклада до уровня публичного права.

Безусловно, реализация возможностей государства для повышения инвестиционной и инновационной активности до уровня, необходимого для структурной перестройки экономики на основе нового технологического уклада с диверсификацией российской экономики и концентрации ресурсов на прорывных направлениях, обеспечат ее вывод на траекторию устойчивого быстрого роста [5], но только в рамках сложившейся экономической системы.

В то же время Е.Г. Ясин плавно переходит от «драйверов» экономического роста к «программному обеспечению», поддерживая мнение А.Г. Аганбегяна о необходимости снижения инфляции до психологически важного уровня, наращивании долгосрочного кредитования крупного и среднего бизнеса, отмены обременительных сборов на предпринимательство и т.п. Переход к экономической политике связан со снижением политических и квазиполитических рисков для бизнеса, конфликтов между ним и государством, демонтажем существующей контрольно-надзорной системы [6].

В.А. Мау отметил, что экономический рост является главным вызовом современной политической повестки ведущих стран мира, в том числе России.

Ограничение роста способствует новой глобальной политической тенденции: переходу от политического популизма к экономическому [7]. При этом экономический популизм все более проявляется в российской экономической модели экономического роста.

По мнению В.А. Мау, важнейшими элементами экономического роста выступают переход от стимулирования спроса к стимулированию предложения, усиление проектного подхода в государственном управлении на основе сформулированных национальных целей и проектов, сохранение консервативной макроэкономической политики [8].

Политике стимулирования предложения мешает изоляция не только от притока иностранного капитала, но и научно-технических знаний. Технологическая изоляция подрывает конкурентоспособность российского гражданского экспорта и возвращает экономику и политику к прежней ориентации на нефтяную и военную промышленность. В зависимости от уровня научно-технического потенциала в конкретных отраслях было бы целесообразно опираться на «созидательно-кооперативные», «автономные» или «активные ПИИ-зависимые» модели национального технологического обучения, применяемые самыми передовыми и быстро обучающимися развивающимися странами [9].

Снизить уровень научно-технической и экономической изоляции России призвана федеральная демократия [10], то есть положение в стране, когда отдельный субъект Российской Федерации может развивать международное научно-техническое сотрудничество, одновременно развивая бюджетный федерализм и используя процесс финансовой реформы для полной либерализации рынка [11].

Снижение изоляционных барьеров возможно путем реализации ряда существенных мероприятий, таких как:

- реализация налоговых стимулов, являющихся основным инструментом инвестиционной политики современной России [12];
- создание значительной доли достаточно капитализированных и эффективных банков, имеющих широкую базу фондирования [13];
- совершенствование институциональной структуры, а также инициированных и поддерживаемых ею международных экономических организаций [14];
- активизация взаимосвязи между объемом привлеченных иностранных инвестиций и многообразием макроэкономических показателей, характеризующих внешнеэкономическую деятельность и внутреннюю экономическую среду [15];
- ориентация на национальную специфику, увеличение роли государства в качестве регулирующей и стабилизационной силы при рецессиях и экономических спадах, создающей внутренние условия для развития рыночных механизмов [16];

- контроль над изменением диапазона выгодных экспортных цен, связанных с неопределенностью начальных данных или влиянием конкурентной среды, посредством устранения несогласованности действий институтов экономики на поведение рыночных игроков [17].

Возможности реализации изложенных мероприятий в процессе эффективной организации современной российской экономики можно выявить посредством оценки деятельности правительства, движения капитала, скорости прироста ВВП и наглядным (в виде образа) ее представлением.

Анализ эффективности

Оценка медианных значений и дисперсии темпов прироста RG показателей деятельности правительства за 2000–2024 гг., по данным Международного валютного фонда, позволила выявить следующие закономерности (табл. 1):

- высокие положительные значения RG общего государственного валового долга в национальной валюте ($Me = 12,37\%$), с высокой дисперсией ($\sigma^2 = 258,52$);
- относительно стабильные ($\sigma^2 = 23,36$), в процентах от ВВП, RG государственных доходов ($Me = 8,78\%$);
- высоко волатильные ($\sigma^2 = 23\,108,43$) и ($\sigma^2 = 23\,108,43$), в процентах потенциального ВВП и национальной валюты, соответственно, RG структурного баланса органов государственного управления ($Me = -23,19\%$) и ($Me = -14,9\%$).

Следовательно, волатильность RG показателей структурного баланса является доминирующей характеристикой деятельности российского правительства. Волатильность вызвана значительными колебаниями RG общего государственного валового долга (в национальной валюте) и стабильностью RG государственных доходов (в процентах ВВП). Правительство выравнивает структурный баланс органов государственного управления за счет изменения курса рубля и резервирования дополнительных экспортных доходов от конъюнктурного роста цен на углеводороды.

Оценка медианных значений и дисперсии RG движения капитала, с учетом дисперсии за 2000–2024 гг., по данным МВФ, позволила выявить следующие особенности (табл. 2):

- высокие положительные значения RG общего объема инвестиций (в процентах от ВВП) ($Me = 9,77\%$), с высокой дисперсией ($\sigma^2 = 102,8$);
- относительно стабильные ($\sigma^2 = 14,45$) (в процентах от ВВП) RG валовых национальных сбережений ($Me = 2,33\%$);
- высоковолатильные RG объема импорта товаров и услуг ($\sigma^2 = 23\,368\,460,61$; $Me = -35,28\%$), RG объема экспорта товаров ($\sigma^2 = 22\,587\,883,67$; $Me = -44,33\%$), RG объема экспорта товаров и услуг ($\sigma^2 = 1\,157\,558,99$; $Me = -51,99\%$) в процентом изменении.

Снижение RG объема экспорта товаров и услуг (с высокой долей падения RG объема экспорта товаров, основой которого являются углеводороды) оказывает негативное влияние на RG объема импорта товаров и услуг. Относительно высокие положительные значения RG общего объема инвестиций и RG валовых национальных сбережений не компенсируют практически двукратный разрыв в динамике RG импорта и экспорта товаров и услуг.

На фоне мирового энергетического кризиса и снижения темпов роста ВВП у Минэкономразвития России и Банка России сохраняется прогноз относительно высокой доли экспорта топливно-энергетических товаров и импорта машин и оборудования¹.

В данном контексте следует выделить растущую долю Москвы и Московской области в экспорте ТНВЭД 27 – «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные», которая достигла около 60%² от всероссийского объема. Основными потребителями экспорта ТНВЭД 27 Москвы и Московской области являются Китай, Германия и Нидерланды.

Лидером по потреблению импорта ТНВЭД 85 – «Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности» является Москва. Основными импортерами ТНВЭД 85 в Москву являются Китай и США³.

В результате оценки динамики RG ВВП на душу населения (*рис. 1*) выявлена наибольшая волатильность в национальной валюте ($\sigma^2 = 332,38$) с $Me = 7,73\%$, а наименьшая – долл. США ($\sigma^2 = 18,47$) с $Me = 4,64\%$. RG ВП на душу населения в национальной валюте, наиболее чувствительная к кризисным явлениям. В 2009 г. RG ВВП на душу населения в национальной валюте показали значения $-26,38\%$, в долл. США – $-7,12\%$, а ППС, долл. США – $1,99\%$. В 2015 г. RG ВВП на душу населения в национальной валюте показали значение $-33,69\%$, в долл. США – $-1,46\%$, а ППС, долл. США – $7,99\%$.

Оценивая разность динамики RG ВВП на душу населения и ВВП (*рис. 2*), можно увидеть сохранение высокой волатильности в национальной валюте ($\sigma^2 = 247,78$) с $Me = 7,21\%$, а наименьшей – долл. США ($\sigma^2 = 30,01$) с $Me = -1,41\%$. Разность динамики RG ВВП на душу населения и ВВП по ППС в долл. США показывает высокую волатильность ($\sigma^2 = 120,25$) с $Me = 6,05\%$.

Соизмеряя разность динамики RG ВВП на душу населения и ВВП с дефлятором ВВП ($\sigma^2 = 15,32$; $Me = 2,35\%$), можно заметить увеличивающиеся расхождения в периоды кризиса: в национальной валюте в 2009 г. – в 2,4 раза, в 2015 г. – в 10,8; в долл. США в 2009 г. – в 1,1, в 2015 г. – в 3,2 раза. При этом расхождения в национальной валюте более трех раз превышают расхождения в долл. США.

¹ Russia Through a Lens. Deloitte Touche Tohmatsu Limited. URL: <https://www2.deloitte.com/ru>

² Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации. URL: <http://stat.customs.ru>

³ Там же.

Итак, *RG* ВВП на душу населения наиболее стабильны и высоки в долл. США. *RG* ВВП на душу населения по ППС в долл. США на фоне стабильно высоких значений дефлятора ВВП становятся наиболее привлекательными для правительства при декларации положительной динамики развития российской экономики. Увеличивающаяся разность динамики *RG* ВВП на душу населения и ВВП, с превышением в национальной валюте относительно долл. США, показывает ретроспективы и перспективы высокой зависимости российской экономики от доллара – в первую очередь для покрытия рисков от падения цен на экспорт углеводородов и трансформацию российских сбережений в американские активы.

Обсуждение результатов

Анализ динамики *RG* показателей деятельности правительства выявил значительные изменения структурного баланса, вызванного колебаниями *RG* общего государственного валового долга в национальной валюте и стабильностью *RG* государственных доходов в процентах ВВП. Основным фактором стабилизации структурного баланса является изменение курса рубля и дополнительный прирост ВВП от роста конъюнктурных цен на экспорт углеводородов.

Анализ динамики *RG* движения капитала выявил негативное влияние на *RG* объема импорта товаров и услуг, снижение *RG* объема экспорта углеводородов. Положительные значения *RG* общего объема инвестиций и *RG* валовых национальных сбережений не компенсируют двукратный разрыв в динамике *RG* импорта и экспорта товаров и услуг.

Падение *RG* объема экспорта углеводородов оказывает влияние на снижении *RG* высокотехнологичного импорта, в большей степени по ТНВЭД 85. Эта динамика снизит конкурентоспособность отечественного продукта не только на внешнем, но и на внутреннем рынке, тем самым закрепляя за Россией статус сырьевой экономики [18].

Растущая доля Москвы и Московской области в экспорте ТНВЭД 27 и импорте ТНВЭД 85 показывает высокую концентрацию финансовых ресурсов, обеспечивающих не только существенные поступления в федеральный бюджет за счет федеральных налогов и сборов (налог на доходы физических лиц (НДФЛ), налог на прибыль организаций, налог на добавленную стоимость (НДС), акцизы, налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), водный налог, налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья), но и региональные – налог на имущество организаций, налог на игорный бизнес, транспортный налог, а также местные бюджеты – земельный налог, налог на имущество физических лиц, налогообложение недвижимости по кадастровой стоимости, торговый сбор. Москва и Московская область выплачивают и одновременно получают дополнительные отраслевые сборы и платежи (сборы за пользование объектами животного мира, регулярные платежи за пользование недрами, сборы за пользование объектами водных биологических ресурсов), никоим образом не связанные с фактическим местом ведения хозяйственной деятельности.

Основными потребителями экспорта ТНВЭД 27 Москвы и Московской области являются Китай, Германия и Нидерланды, а импорта ТНВЭД 85 – Китай.

Падение *RG* объема экспорта углеводородов, усиленное санкционным давлением и утратой позиции основного поставщика нефти и газа на мировом рынке, обуславливает снижение *RG* объемов высокотехнологичного импорта из Китая. В связи с этим Китай более заинтересован в налаживании торговых отношений с США и Германией [19–21].

Итак, можно схематично отобразить механизм современной российской экономики (*рис. 3*) и предел эффективной организации в виде определенной (предельной) схемы организации современной российской экономики (*рис. 4*), который представляет собой государственную трансрегиональную корпорацию «Москва и Московская область».

Сопоставление и объединение результатов статистического анализа и возможностей развития современной российской экономики позволяет выделить предел эффективности ее организации. Этот предел проявляется в форме государственной трансрегиональной корпорации «Москва и Московская область».

Поясним смысл понятия «трансрегиональная корпорация «Москва и Московская область»». Согласно российскому законодательству, государственной корпорацией признается организация, не являющаяся НКО, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного вклада, и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций⁴. Для современной российской экономики трансрегиональная корпорация «Москва и Московская область» является определенным органом управления и централизации экономической власти в России. Эта форма существования российской экономики при периодически продлеваемых антироссийских санкциях [22] может привести к утрате позиций основного международного партнера во внешнеэкономических связях с Китаем [23].

Выявленная стабильность и высокие значения *RG* ВВП на душу населения (в долл. США), а также *RG* ВВП на душу населения по ППС (в долл. США) на фоне стабильно высоких значений дефлятора ВВП показывают высокую зависимость России от экономики США. Она (степень зависимости) неравномерно распределена по территории Российской Федерации, негативно отражаясь на хозяйственной деятельности ее субъектов, причиной которой является централизация экономической власти.

Для снижения зависимости экономики России от США применяется стратегия «дедолларизации» экономики и снижения ее уязвимости перед санкциями со стороны США. В то же время Россия до сих пор зависит от доллара больше чем на половину своего ежегодного товарооборота.

Кроме того, доля евро увеличилась в ежегодном товарообороте России с Китаем, подскочив более чем до 1/3 в экспортных расчетах. Торговля в юанях затруднена из-за ограничений капитала (ограниченный доступ к китайским активам иностранцам) и тем, что юань не является полностью конвертируемой валютой.

⁴ О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2018).

Также этому мешает падение юаня до самого слабого уровня за более чем 10 лет в условиях резкой эскалации американо-китайской торговой войны.

Резкий сдвиг наблюдается в торговле России с Индией. Рубль в российско-индийских отношениях составил 3/4 от общего объема экспортных расчетов многомиллиардных оборонных сделок.

Выводы

Актуальность анализа эффективности организации современной российской экономики определяется необходимостью оценки возможностей властями исполнять свои функции для сохранения государственного устройства в условиях выраженного циклического спада мировой экономики и обострения глобальной конкуренции.

Толерантное отношение российского научного экономического сообщества к государственному устройству на всем историческом пути развития России позволяет ограничить поиск возможностей эффективности организации современной экономики драйверами и экономическими программами роста.

Несмотря на то, что с конца XX в., в период смены политического курса России, все больше внимания стало уделяться институтам развития общества, поскольку до сих пор сохранился огромный разрыв в целеполагании политических и экономических оснований для развития Российской Федерации.

Возможности сохранения целостности российской экономики определяются пределом эффективности ее организации, который не является определенным и существенно зависит от волатильности RG показателей структурного баланса. Волатильность RG показателей структурного баланса является критерием эффективности деятельности российского правительства. Правительство РФ выравнивает структурный баланс органов государственного управления за счет изменения курса рубля и резервирования дополнительных экспортных доходов от конъюнктурного роста цен на углеводороды. При этом снижение RG объема экспорта товаров и услуг не компенсируется относительно высокими положительными значениями RG общего объема инвестиций и RG валовых национальных сбережений.

RG ВВП на душу населения наиболее стабильны и высоки в долл. США. RG ВВП на душу населения по ППС в долл. США на фоне стабильно высоких значений дефлятора ВВП привлекательны для правительства при декларировании положительной динамики развития экономики. Увеличивающаяся разность динамики RG ВВП на душу населения и ВВП, с превышением в национальной валюте относительно долл. США, показывает высокую зависимость российской экономики от долл. США, особенно в период покрытия рисков от падения цен на экспорт углеводородов и трансформацию российских сбережений в американские активы.

Таблица 1

Ранжирование медианных значений темпов прироста показателей деятельности правительства (с учетом дисперсии), 2000–2024 гг.

Table 1

Ranks of median growth rates of the government performance, adjusted for the variance, 2000–2024

Показатель	Me, %	б ²
Общий государственный валовой долг, руб.	12,37	258,51
Государственные доходы, % от ВВП	8,78	23,36
Государственное первичное чистое кредитование / заимствования, % от ВВП	7,82	28,49
Текущий платежный баланс, долл. США	7,1	169,88
Общие расходы органов государственного управления, % от ВВП	–0,08	0,03
Общий государственный валовой долг, % от ВВП	–0,24	20,57
Государственное первичное чистое кредитование / заимствования, руб.	–1,18	163,98
Текущий платежный баланс, % от ВВП	–1,18	307,54
Общие расходы органов государственного управления, руб.	–2,08	107,26
Государственные доходы, руб.	–7,08	1 553,97
Структурный баланс органов государственного управления, руб.	–14,9	33 081,3
Структурный баланс органов государственного управления, % от потенциального ВВП	–23,19	23 108,43

Источник: рассчитано по данным World Economic Outlook Database, April 2019, International Monetary Fund (IMF). URL: <https://imf.org>

Source: Authoring based on the World Economic Outlook Database data, April 2019, International Monetary Fund (IMF). URL: <https://imf.org>

Таблица 2

Ранжирование медианных значений темпов прироста показателей движения капитала (с учетом дисперсии), 2000–2024 гг.

Table 2

Ranks of median growth rates of cash flow indicators, adjusted for the variance, 2000–2024

Показатель	Me, %	б ²
Общий объем инвестиций, % от ВВП	9,77	102,8
Валовое национальное сбережение, % от ВВП	2,33	14,45
Объем импорта товаров, %	0,21	40,35
Чистое кредитование/заимствование, руб.	–7,02	3 834,79
Чистое кредитование/заимствование, % от ВВП	–11,45	3 546,09
Объем импорта товаров и услуг, %	–35,28	23 368 460,61
Объем экспорта товаров, %	–44,33	22 587 883,67
Объем экспорта товаров и услуг, %	–51,99	1 157 558,99

Источник: рассчитано по данным World Economic Outlook Database, April 2019, International Monetary Fund (IMF). URL: <https://imf.org>

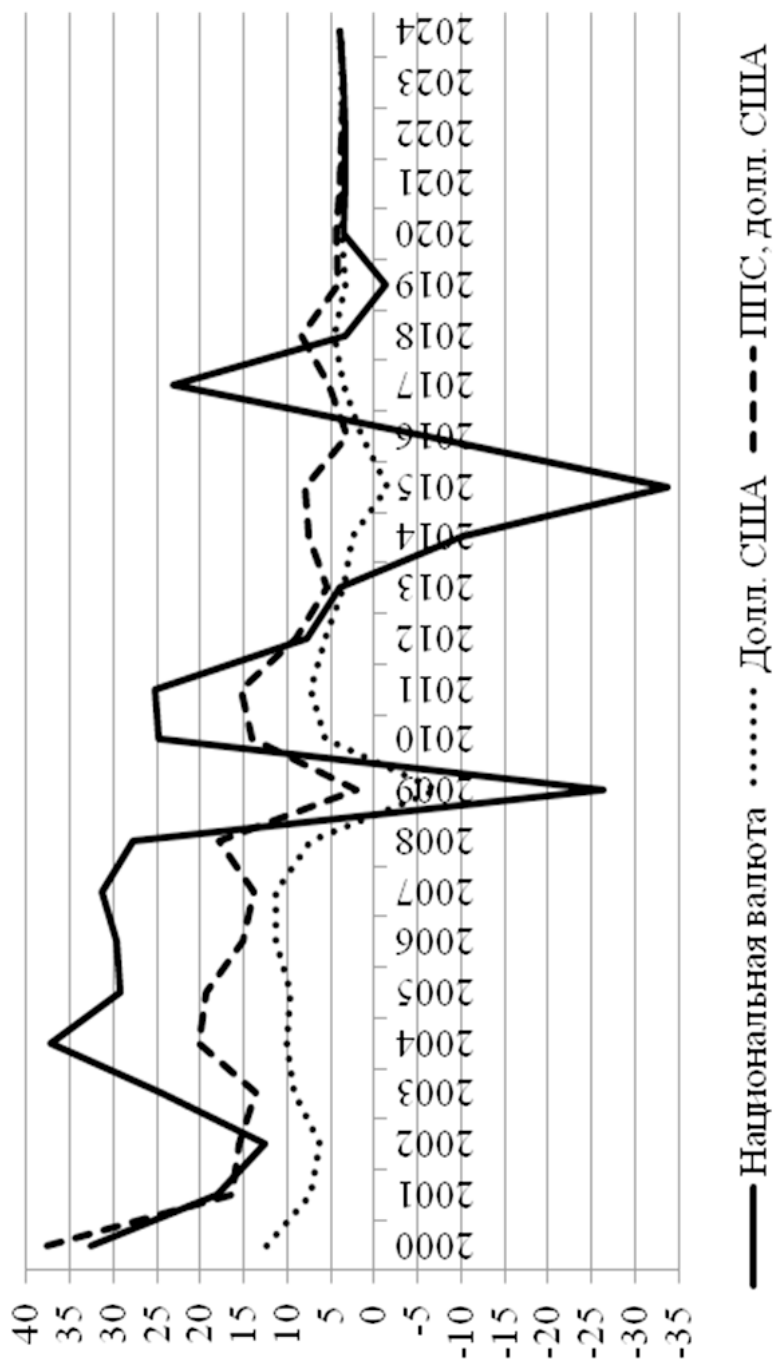
Source: Authoring based on the World Economic Outlook Database data, April 2019, International Monetary Fund (IMF). URL: <https://imf.org>

Рисунок 1

Темпы прироста ВВП на душу населения, текущие цены, %

Figure 1

Growth rates of GDP per capita, current values, percent

Источник: рассчитано по данным World Economic Outlook Database, April 2019, International Monetary Fund (IMF). URL: <https://imf.org>

Source: Authoring based on the World Economic Outlook Database data, April 2019, International Monetary Fund (IMF). URL: <https://imf.org>

Рисунок 2

Разность темпов прироста ВВП на душу населения и ВВП, дефлятор ВВП, текущие цены, %

Figure 2

Difference in GDP growth per capita and GDP, GDP deflator, current prices, %

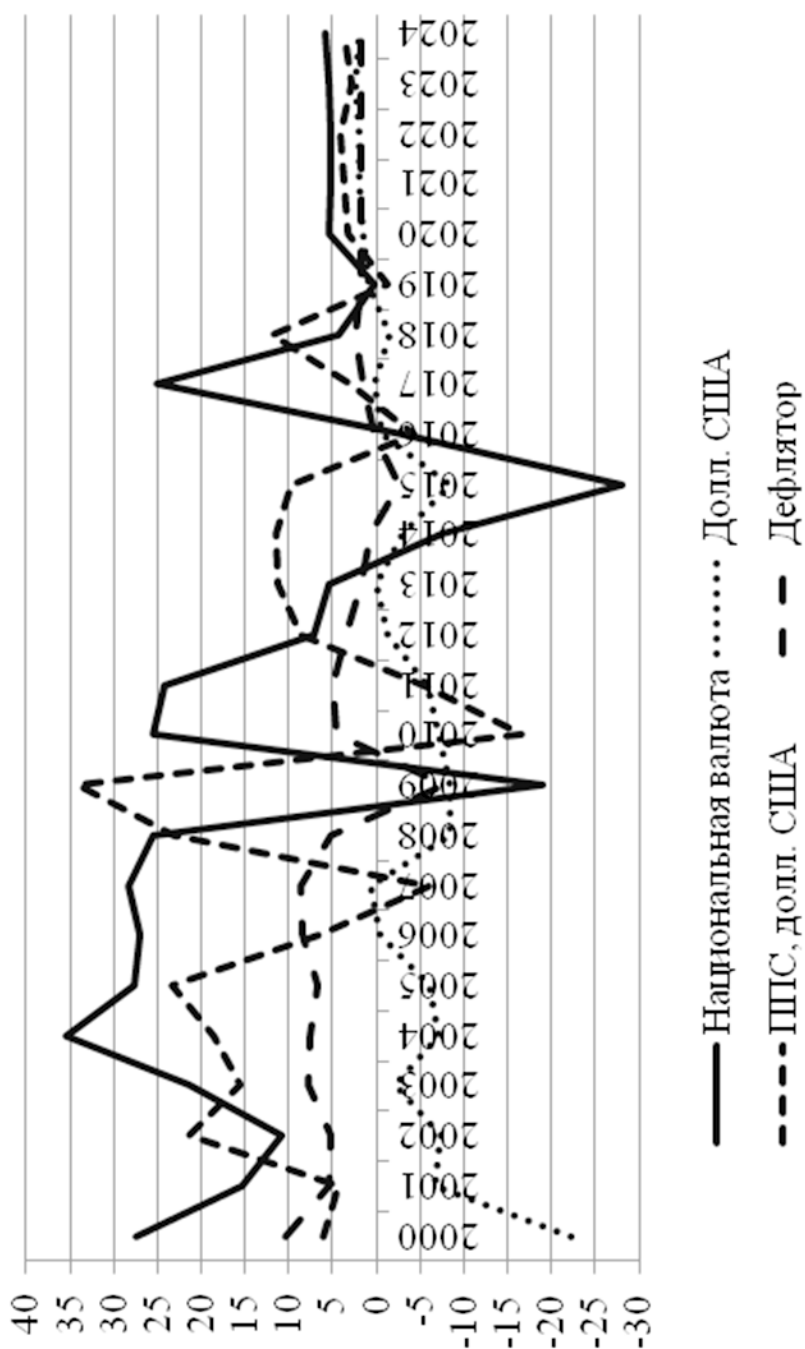
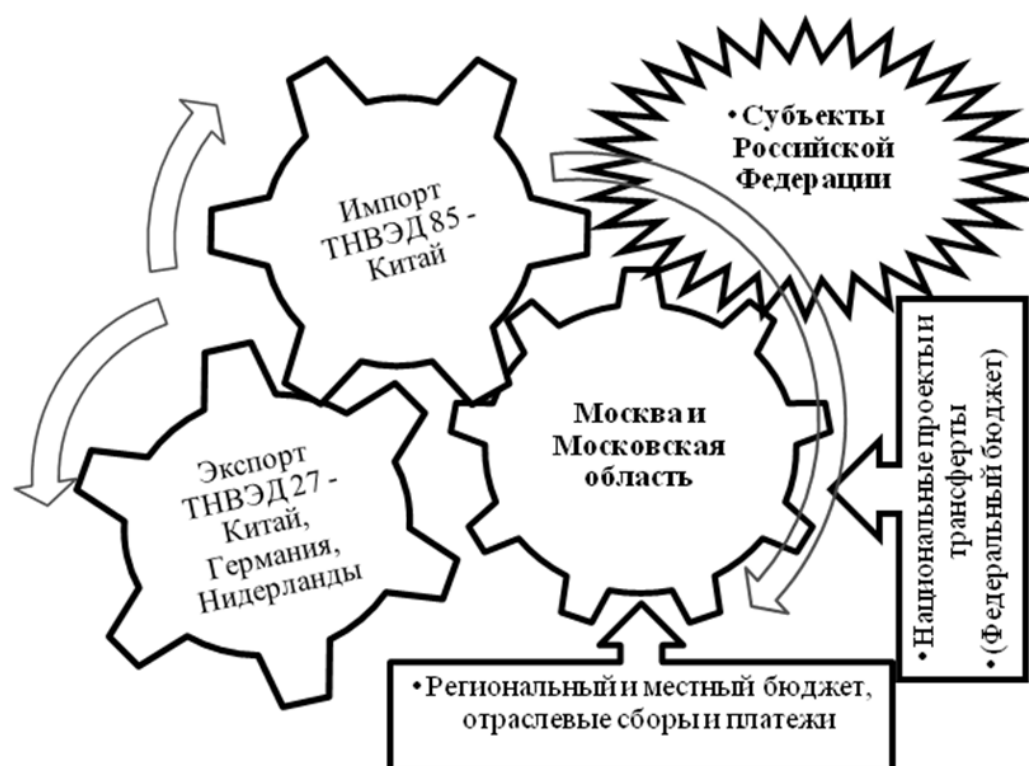
Источник: рассчитано по данным World Economic Outlook Database, April 2019, International Monetary Fund (IMF). URL: <https://imf.org>Source: Authoring based on the World Economic Outlook Database data, April 2019, International Monetary Fund (IMF). URL: <https://imf.org>

Рисунок 3

Механизм современной российской экономики

Figure 3

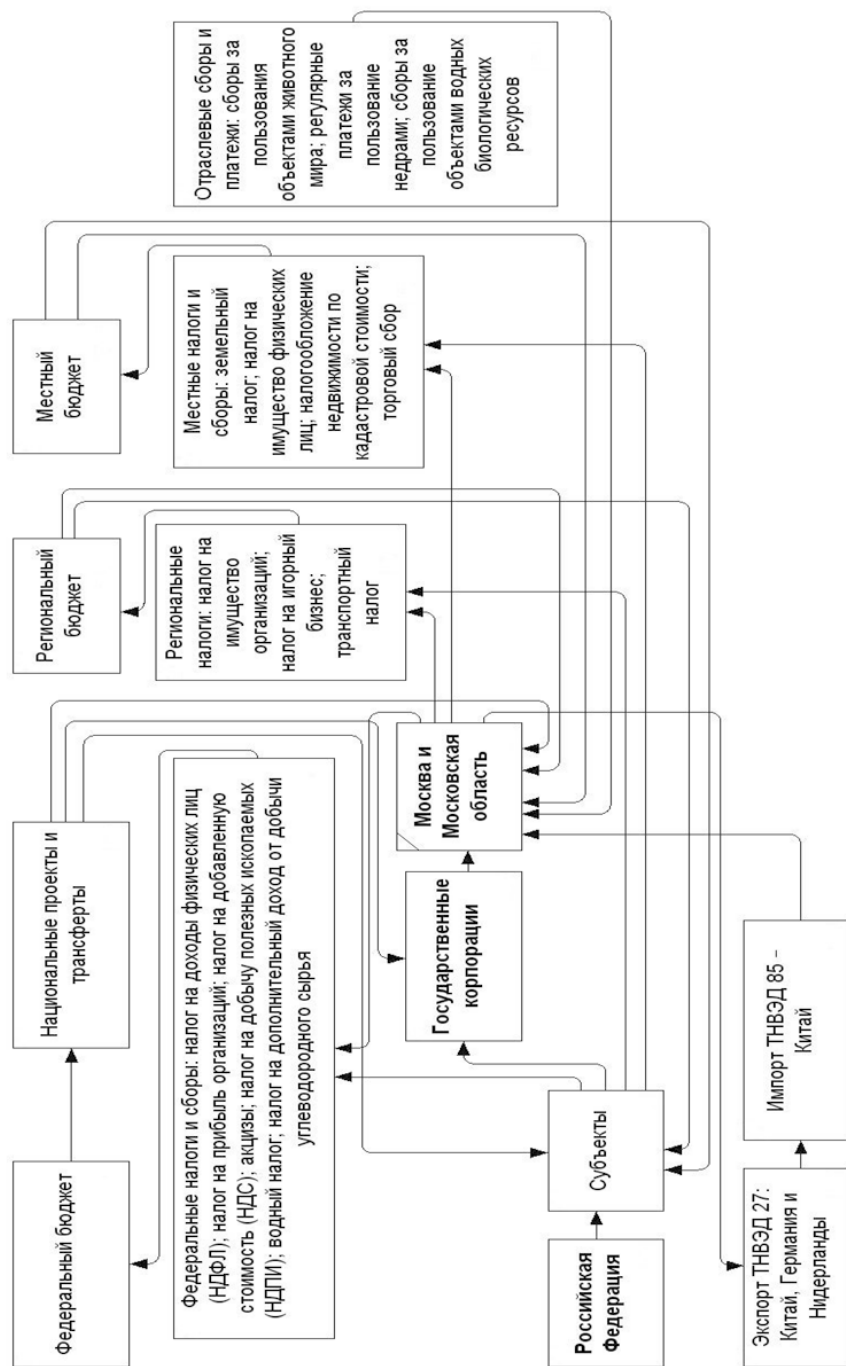
The mechanism of the contemporary economy of Russia

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Рисунок 4
Схема организации современной российской экономики
Figure 4
The design of the contemporary economy of Russia

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. 771 с.
2. Аганбегян А.Г. Почему экономика России топчется на месте? // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 11–26.
3. Аганбегян А.Г. Как возобновить социально-экономический рост в России? // Экономическое возрождение России. 2017. № 3. С. 11–20.
4. Аганбегян А.Г. Какой комплексный план до 2025 года нужен России? // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 4. С. 8–29.
URL: <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2017-4-01>
5. Глазьев С.Ю. О политике развития российской экономики // Научные труды Вольного экономического общества России. 2014. Т. 181. С. 165–206.
6. Акиндинова Н.В., Кузьминов Я.И., Ясин Е.Г. Экономика России: перед долгим переходом // Вопросы экономики. 2016. № 6. С. 5–35.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-6-5-35>
7. Mau V. Lessons in Stabilization and Prospects for Growth: Russia's Economic Policy in 2016. *Russian Journal of Economics*, 2017, vol. 3, no. 2, pp. 109–128. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.06.001>
8. May B.A. Национальные цели и модель экономического роста: новое в социально-экономической политике России в 2018–2019 гг. // Вопросы экономики. 2019. № 3. С. 5–28.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-3-5-28>
9. Soubbotina T., Weiss C. A New Model of Technological Learning for Russia. *Science and Public Policy*, 2009, vol. 36, iss. 4, pp. 271–286.
URL: <https://doi.org/10.3152/030234209X436536>
10. Lynn N.J., Novikov A.V. Refederalizing Russia: Debates on the Idea of Federalism in Russia. *The Journal of Federalism*, 1997, vol. 27, iss. 2, pp. 187–203,
URL: <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.pubjof.a029905>
11. Rosefield S., Vennikova N. Fiscal Federalism in Russia: A Critique of the OECD Proposals. *Cambridge Journal of Economics*, 2004, vol. 28, iss. 2, pp. 307–318.
URL: <https://doi.org/10.1093/cje/28.2.307>
12. Вязкина И.В., Скворцова Г.Г. Налоговые механизмы регулирования инвестиционной деятельности как инструмент укрепления экономической безопасности государства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. Т. 15. Вып. 4. С. 729–744.
URL: <https://doi.org/10.24891/ni.15.4.729>
13. Омельченко А.Н., Хрусталёв Е.Ю. Корпоративное кредитование и процентная ставка: определение экзогенных факторов // Национальные интересы:

- приоритеты и безопасность. 2019. Т. 15. Вып. 12. С. 2274–2283.
URL: <https://doi.org/10.24891/ni.15.12.2274>
14. Шаховская Л.С., Матковская Я.С. Интеграционные объединения в современной мировой экономике: глобальные тенденции и возможности их использования в интересах экономической безопасности России // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2017. Т. 13. Вып. 4. С. 736–747.
URL: <https://doi.org/10.24891/ni.13.4.736>
15. Болодурина М.П., Мишурова А.И. Анализ критериев оценки эффективности прямых иностранных инвестиций // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2017. Т. 13. Вып. 8. С. 1475–1490.
URL: <https://doi.org/10.24891/ni.13.8.1475>
16. Осокина Н.В., Слесаренко Е.В. Особенности структурной модернизации «новых индустриальных стран» Азии и возможности их применения в российских условиях // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2016. Т. 12. Вып. 3. С. 45–58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-strukturnoy-modernizatsii-novyh-industrialnyh-stran-azii-i-vozmozhnosti-ih-primeneniya-v-rossiyskih-usloviyah/viewer>
17. Данилин М.Н. Национальные интересы и экспорт стратегической продукции: экономические аспекты // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2016. Т. 12. Вып. 5. С. 18–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-interesy-i-eksport-strategicheskoy-produktsii-ekonomicheskie-aspekty/viewer>
18. Bradshaw M., Van de Graaf T., Connolly R. Preparing for the New Oil Order? Saudi Arabia and Russia. *Energy Strategy Reviews*, 2019, vol. 26, article 100374.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.esr.2019.100374>
19. Kuo C.-C., Shyu J.Z., Ding K. Industrial Revitalization via Industry 4.0 – A Comparative Policy Analysis Among China, Germany and the USA. *Global Transitions*, 2019, vol. 1, pp. 3–14. URL: <https://doi.org/10.1016/j.glt.2018.12.001>
20. Liu G., Gregoriou A., Bo Y. How Do Markets Value Stock Liquidity? Comparative Evidence from the UK, the US, Germany and China. *Economics Letters*, 2020, vol. 186, article 108500. URL: <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2019.06.006>
21. Ma Y., Shi T., Zhang W. et al. Comprehensive Policy Evaluation of NEV Development in China, Japan, the United States, and Germany Based on the AHP-EW Model. *Journal of Cleaner Production*, 2019, vol. 214, pp. 389–402.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2018.12.119>
22. Dong Y., Li C. Economic Sanction Games Among the US, the EU and Russia: Payoffs and Potential Effects. *Economic Modelling*, 2018, vol. 73, pp. 117–128.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2018.03.006>

23. *Malle S.* Russia and China in the 21st Century. Moving Towards Cooperative Behavior. *Journal of Eurasian Studies*, 2017, vol. 8, iss. 2, pp. 136–150. URL: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.02.003>

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

pISSN 2073-2872
eISSN 2311-875X

Sustainable Development of Economy

ANALYZING THE CURRENT EFFECTIVENESS OF THE RUSSIAN ECONOMY'S DESIGN

Valerii V. SMIRNOV

I.N. Ulianov Chuvash State University (ChuvSU),
Cheboksary, Chuvash Republic, Russian Federation
v2v3s4@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6198-3157>

Article history:

Article No. 209/2020
Received 13 April 2020
Received in revised form
30 April 2020
Accepted 16 May 2020
Available online
14 August 2020

JEL classification: C81,
E20, F40, Q11

Keywords: volatility,
stabilization
of economy,
trans-regional
corporation

Abstract

Subject. The article discusses Russia's economy and analyzes its effectiveness.

Objectives. The study attempts to determine to what extent Russia's economy is effective.

Methods. The study is based on the systems approach and the statistical analysis.

Results. I discovered significant fluctuations of the structural balance due to changing growth rates of the total gross national debt denominated in the national currency, and the stability of growth rates of governmental revenue. Changes in the RUB exchange rate and an additional growth in GDP are the main stabilizers of the structural balance, as they depend on hydrocarbon export. As a result of the analysis of cash flows, I found that the exports slowed down. Financial resources are strongly centralized, since Moscow and the Moscow Oblast are incrementing their share in the export of mineral resources, oil and refining products and import of electrical machines and equipment.

Conclusions and Relevance. The fact that the Russian economy has been effectively organized is proved with the centralization of the economic power and the limits through the cross-regional corporation, such as Moscow and the Moscow Oblast, which is resilient to any regional difficulties ensuring the economic growth and sustainable development. The findings would be valuable for the political and economic community to outline and substantiate actions to keep rates of the economic growth and sustainable development of the Russian economy.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2020

Please cite this article as: Smirnov V.V. Analyzing the Current Effectiveness of the Russian Economy's Design. *National Interests: Priorities and Security*, 2020, vol. 16, iss. 8, pp. 1476–1496.
<https://doi.org/10.24891/ni.16.8.1476>

References

1. Marx K., Engels F. *Sochineniya. Vtoroe izd. T. 13* [Works. 2nd Ed. Vol. 13]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1959, 771 p.
2. Aganbegyan A.G. [Why does the Russian economy make no headway?]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya = International Journal of Management Theory and Practice*, 2018, no. 3, pp. 11–26. (In Russ.)

3. Aganbegyan A.G. [How can we restore socio-economic growth in Russia?]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = Economic Revival of Russia*, 2017, no. 3, pp. 11–20. (In Russ.)
4. Aganbegyan A.G. [What package plan up to 2025 does Russia need?]. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*, 2017, vol. 12, no. 4, pp. 8–29. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2017-4-01>
5. Glaz'ev S.Yu. [On the development policy of the Russian economy]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva = Proceedings of the Free Economic Society*, 2014, vol. 181, pp. 165–206. (In Russ.)
6. Akindinova N., Kuz'minov Ya., Yasin E. [Russia's economy: Before the long transition]. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 6, pp. 5–35. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-6-5-35>
7. Mau V. Lessons in Stabilization and Prospects for Growth: Russia's Economic Policy in 2016. *Russian Journal of Economics*, 2017, vol. 3, iss. 2, pp. 109–128. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.06.001>
8. Mau V.A. [National goals and model of economic growth: New in the socio-economic policy of Russia in 2018–2019]. *Voprosy Ekonomiki*, 2019, no. 3, pp. 5–28. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-3-5-28>
9. Soubbotina T., Weiss C. A New Model of Technological Learning for Russia. *Science and Public Policy*, 2009, vol. 36, iss. 4, pp. 271–286. URL: <https://doi.org/10.3152/030234209X436536>
10. Lynn N.J., Novikov A.V. Refederalizing Russia: Debates on the Idea of Federalism in Russia. *The Journal of Federalism*, 1997, vol. 27, iss. 2, pp. 187–203. URL: <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.pubjof.a029905>
11. Rosefielde S., Vennikova N. Fiscal Federalism in Russia: A Critique of the OECD Proposals. *Cambridge Journal of Economics*, 2004, vol. 28, iss. 2, pp. 307–318. URL: <https://doi.org/10.1093/cje/28.2.307>
12. Vyakina I.V., Skvortsova G.G. [Tax mechanisms to regulate investing activities as a tool to strengthen the economic security of the State]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2019, vol. 15, iss. 4, pp. 729–744. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/ni.15.4.729>
13. Omel'chenko A.N., Khrustalev E.Yu. [Corporate lending and interest rate: Determining exogenous factors]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2019, vol. 15, iss. 12, pp. 2274–2283. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/ni.15.12.2274>
14. Shakhovskaya L.S., Matkovskaya Ya.S. [Integration associations in contemporary global economy: Global trends and opportunities for using them for purposes of Russia's economic security]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2017, vol. 13, iss. 4, pp. 736–747. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/ni.13.4.736>

15. Bolodurina M.P., Mishurova A.I. [Analysis of criteria for evaluating the efficiency of foreign direct investment]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2017, vol. 13, iss. 8, pp. 1475–1490. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.24891/ni.13.8.1475>
16. Osokina N.V., Slesarenko E.V. [Specifics of structural modernization of the Asian newly industrialized economies: Possibilities of its application in Russia]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2016, vol. 12, iss. 3, pp. 45–58.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-strukturnoy-modernizatsii-novyh-industrialnyh-stran-azii-i-vozmozhnosti-ih-primeneniya-v-rossiyskih-usloviyah/viewer> (In Russ.)
17. Danilin M.N. [National interests and export of strategic products: Economic considerations]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2016, vol. 12, iss. 5, pp. 18–31.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-interesy-i-eksport-strategicheskoy-produktsii-ekonomicheskie-aspekty/viewer> (In Russ.)
18. Bradshaw M., Van de Graaf T., Connolly R. Preparing for the New Oil Order? Saudi Arabia and Russia. *Energy Strategy Reviews*, 2019, vol. 26, Article 100374.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.esr.2019.100374>
19. Kuo C.-C., Shyu J.Z., Ding K. Industrial Revitalization via Industry 4.0 – A Comparative Policy Analysis among China, Germany and the USA. *Global Transitions*, 2019, vol. 1, pp. 3–14. URL: <https://doi.org/10.1016/j.glt.2018.12.001>
20. Liu G., Gregoriou A., Bo Y. How do Markets Value Stock Liquidity? Comparative Evidence from the UK, the US, Germany and China. *Economics Letters*, 2020, vol. 186, Article 108500. URL: <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2019.06.006>
21. Ma Y., Shi T., Zhang W. et al. Comprehensive Policy Evaluation of NEV Development in China, Japan, the United States, and Germany Based on the AHP-EW Model. *Journal of Cleaner Production*, 2019, vol. 214, pp. 389–402.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2018.12.119>
22. Dong Y., Li C. Economic Sanction Games among the US, the EU and Russia: Payoffs and Potential Effects. *Economic Modelling*, 2018, vol. 73, pp. 117–128.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2018.03.006>
23. Malle S. Russia and China in the 21st Century. Moving Towards Cooperative Behavior. *Journal of Eurasian Studies*, 2017, vol. 8, iss. 2, pp. 136–150.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.02.003>

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.